

Ивонин Ю. Е. Старая империя (1495–1806) — «Комплементарное имперское государство» или догосударственная имперская система? (по поводу книги Г. Шмидта) / *Е. Ю. Ивонин* // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 122–130.

Е. Ю. Ивонин

**СТАРАЯ ИМПЕРИЯ (1495–1806) —
«КОМПЛЕМЕНТАРНОЕ ИМПЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВО»
ИЛИ ДОГОСУДАРСТВЕННАЯ ИМПЕРСКАЯ СИСТЕМА?
(по поводу книги Г. Шмидта)**

Миф о Старой империи (1495—1806) как прообразе германского национального государства, как известно, был рожден в XIX в. вследствие того, что в Германии национальное государство и демократические институты сформировались с опозданием; поэтому германские политики XIX — первой половины XX в., играя в миф об Империи как национальном государстве, строили на нем свою политику, приведшую к двум катастрофам. После Второй мировой войны в западногерманской историографии началась переоценка Старой империи и ее места в германской истории. На первый план стали выдвигаться представления о Старой империи как предтече современного федеративного устройства Германии. В то же время некоторые ностальгические нотки сохраняются, хотя и в видоизмененном плане, отчасти в результате эйфории, наступившей по причине объединения Германии в 1990 г.

В этой связи необходимо подробнее остановиться на характеристике опубликованной совсем недавно книги Г. Шмидта «История Старой империи. Государство и нация 1495—1806», вызвавшей дискуссию и серьезные упреки ряда ведущих немецких историков. Собственно, определенную заявку на теоретическое обоснование своей большой работы Г. Шмидт сделал в статье «Германия в начале нового времени: имперское государство и культурная нация» в сборнике, посвященном Х. Рабе¹. Начав свою статью с грустного высказывания великого немецкого философа Гегеля, сделанного тем в сравнении с современной ему Францией в 1802 г., что Германия «есть более не государство», Шмидт отметил, что Франция в большей степени соответствовала представлениям о государстве, нежели поздняя Старая империя, не имевшая никакого потенциала

¹ *Schmidt G.* Deutschland am Beginn der Neuzeit: Reichs-Staat und Kulturation? — Recht und Reich im Zeitalter der Reformation. Festschrift für Horst Rabe. Hrsg. von Chr. Roll. Frankfurt am Main u. a. 1997 (1 Uafl. 1996). S. 1–30.

развития и агония которой вызвала волну споров о том, каким должно быть немецкое государство, и особенно подъем немецкого национализма, одним из постулатов которого были представления об идентичности имперского государства и немецкой нации. Упомянув о выдвинутом еще Ф. Мейнеке в начале XX в. тезисе о немецкой нации как культурной нации в противоположность французской нации как государственной нации, Шмидт напомнил читателю о том, что, как он выражается,

совпадение сословно-государственной немецкой нации и базировавшегося на этом имперского государства обсуждалось в начале XVI в. немецкими гуманистами, выступавшими против всего романского и особенно против римского влияния и выдвигавших основанные еще на сведениях из «Германии» римского историка Тацита представления об этнической германской традиции. Рассуждая далее, этот историк выдвигает положение об «огосударствлении» немецкой нации в «комплементарное» (т. е. дополнительное) имперское государство, что происходило в раннее новое время и находилось в некотором противоречии с европейским типом национального государства. Этот тип государства Шмидт называет исторической альтернативой, которая не означала отказа от целей установления естественных границ или даже государственного интереса всех говорящих на немецком языке.

Развивая эти положения в вышедшей вскоре в свет объемистой книге, Шмидт на первой же странице отметил, что Империя была идеей, иерархической структурой и государственно-политической программой, в которой сочетались и противоречили друг другу римская традиция и немецкая реальность. Автор выделяет четыре представления об Империи, различавшихся друг от друга: 1) западноевропейская универсальная христианская империя как стоящий над государствами правовой орган, в котором ответственность за христианство разделяют император и римский папа; 2) имперский ленный союз в границах средневековой Германской империи, управляемый из императорского двора; 3) сконцентрированная на немецких чинах и землях империя; 4) ядро империи, сосредоточенное в землях Швабии, Франконии и рейнских территориях. Империя с немецким ядром, по мнению Шмидта, переживает в позднее средневековье процесс концентрации в территориях к северу от Альп: «Империя германской нации была в конце средневековья империей императора, курфюрстов и большинства верхненемецких чинов»¹. Именно это образование Шмидт называет комплементарной

¹ Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Fruhen Neuzeit 1495–1806. Munchen, 1999. S. 9–11, 17.

государственностью, конкретизирующей государственность Германии и отличавшую ее от других наций¹. Рассматривая Реформацию и конфессионализацию, Шмидт даже постоянно подчеркивает, что, несмотря на религиозные противоречия, император и чины были способны в рамках комплементарной государственности на компромиссы и политические решения, и задает вопрос: а была ли Реформация причиной раскола нации? Отвечает он ни этот вопрос следующим образом: у Лютера не было национальной немецкой программы, это была программа разрыва с Римом, требовавшая определенных религиозных правил для Германии, Но ее превратили в таковую многочисленные радикалы и гуманисты вроде Ульриха фон Гулена, рассматривавшего германцев как предшественников немцев (*die Germanen als Vorfahren der Deutschen*). В результате вопрос о немецкой свободе оказался на повестке дня².

Правомерна ли оценка Шмидтом Шмалькальденской войны 1546—1547 гг. и мятежа князей в 1552 г. как сближения нижненемецких чинов с верхненемецким имперским государством? Вряд ли, ибо скорее всего это было проявление усиливавшейся тенденции к территориализации и защите сословных княжеских привилегий. Размежевание же между романским или римским и немецким — это ведь тоже скорее идеологическое обоснование защиты старой имперской конституции в противовес римскому праву и Габсбургам. Причем эти аргументы звучали в протестантской пропаганде, которая не представляла даже половины населения германских земель. Нет ли в рассуждениях Шмидта попытки реанимирования старых

ранкеанских представлений о связи между Реформацией и формированием национального государства? Во всяком случае, Шмидт достаточно отчетливо делает вывод о том, что так называемый «немецкий особый путь» был одним из многих путей формирования национальных государств в Западной Европе, существенной фазой которого была эпоха конфессионализации. По мнению Шмидта, комплементарное государство выдержало натиск конфессионализации, хотя как Протестантский союз, так и Католическая лига противоречили духу имперской конституции³. Тут мы видим явные натяжки, ибо суть дела, конечно, заключалась не в национальном единстве, а скорее в сословном и в защите старой имперской конституции. Рассуждая далее о перспективах развития федеративного

¹ *Schmidet G.* Op. cit. S. 44.

² *Ibid.* S. 55–61.

³ *Ibid.* S. 92, 132–135.

устройства Старой империи, Шмидт вынужден все же признать, что иерархические традиции после Вестфальского мира 1648 г. оказались сильнее, чем федеративная организация, тем более интеграция в каком-либо виде, равным образом и монархизация имперской государственности. Лишь элементы федеративной организации и имперские округа служили в качестве дополнения к комплементарной государственности, которая несла на себе груз тяжести в защите имперских земель от экспансии Людовика XIV¹. В одной из недавно опубликованных статей Шмидт также охарактеризовал Шмалькальденскую войну 1546—1547 гг., Тридцатилетнюю войну 1618—1648 гг., Семилетнюю войну 1756—1763 гг. как «германские войны». Если в отношении Шмалькальденской войны такой подход верен лишь отчасти, первая общеевропейская война, т. е. Тридцатилетняя, и Семилетняя никак только «германскими» быть не могли. Это настолько очевидно, что даже не требуются дополнительные аргументы.

Характеризуя положение Старой империи в XVIII в., Шмидт так или иначе признает существование противоречия между требованиями системы европейского равновесия сил и условиями функционирования имперского союза, в результате чего Австрия начала вырастать в отдельный от Германии конгломерат земель. Одним из результатов этого процесса было возвышение Пруссии, ставшей отдельным крупным государством, и возникновение австро-прусского дуализма. Но как бы то ни было, сам Шмидт не видит в Пруссии основы будущего национального государства. Австро-прусская дуализм и политика великих европейских держав поставили комплементарное государство в положение безнадежного маневрирования, приведшего к его распаду в результате наполеоновских войн².

Все же Шмидт считает, что с Вормского рейхстага 1495 г. начинается история немецкой совместной государственности, воплотившейся в государственности комплементарной и не приведшей к концентрации властных полномочий в руках императора. Имперское государство в XVI—XVIII вв., по его мнению, было системой политического порядка (*politische Ordnungssystem*), которая базировалась на общности немецкого языка, культуры и происхождения³.

Книга Шмидта вызвала несколько болезненную реакцию ряда немецких историков, прежде всего Х. Шиллинга, который рассматривает

¹ *Schmidet G.* Op. cit. S. 194–199, 232–233.

² *Ibid.* S. 246–247, 252, 281–285, 344–346.

³ *Ibid.* S. 347–354.

Старую империю не как комплементарное имперское государство, а как «частично модернизированную имперскую систему», представлявшую собой по отношению к средневековью не новообразование, а обновленную Империю, частично модернизированную в различных аспектах, при которой немецкие государства являлись как частью имперской системы, так и европейской системы государств. Империя, по мнению Шиллинга, представляла собой догосударственный ленный союз, а концепцию Шмидта Шиллинг назвал *Mindermeinung* (т. е. малозначительное мнение — Ю. И.). При этом Шиллинг отметил четыре основных момента этой системы, т. е. модернизацию имперской конституции, поликонфессионализм, участие в европейской системе государств и подключение к атлантическому мировому хозяйству раннего нового времени, а также княжеско-сословный дуализм, коммунализм и староевропейский городской республиканизм, пришедший в упадок с середины XVII в.¹ Развернутую критику ряда основных положений книги Г. Шмидта Шиллинг дал в обзорной историографической статье о проблемах Старой империи, в центре которой находится книга Шмидта. Высоко оценивая книгу Шмидта за ее синтетический характер, Шиллинг выступил прежде всего против тезиса о комплементарном имперском государстве и национальном самосознании немцев раннего нового времени. Очевидно, как подчеркивает Шиллинг, Шмидт и его помощники вдохновились идеями объединения Германии в 1990 г. и преувеличили степень национального самосознания в Германии раннего нового времени, тогда как правильнее было бы говорить о времени до середины XVIII в. как преобладании имперского, а не национального патриотизма. Кроме того, экономическое развитие и концентрация всех экономических ресурсов на национальном уровне, т. е. формирование национального рынка, замечает Шиллинг, вообще не играют никакой роли в аргументации Шмидта. Место германских земель в европейской системе государств рассматривается Шмидтом одновременно как в имперском, так и в германском плане, хотя это не одно и то же. В итоге просматривается достаточно опасная тенденция к восстановлению некоторых постулатов малогерманской национально-государственной историографии XIX — начала XX вв., смысл которых заключается

¹ *Schilling H. Wider den Mythos vom Sonderweg — die Bedingungen des deutschen Weges in die Neuzeit. — Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw. Hrsg. von P.-J. Heinig u. a. Berlin, 2000. S. 699–714.*

в усматривании государства в предгосударственных формах Старой империи. Эта тенденция, замечает Шиллинг, может вызвать опасения со стороны европейских соседей Германии¹.

Необходимо отметить все же, что у Г. Шмидта нашлось мало сторонников среди немецких специалистов. Известный берлинский историк Г. Винклер в своей объемистой работе «Долгий путь на Запад» с самого начала подчеркнул, что отличие германской истории от истории западноевропейских стран, именно Англии и Франции, заключается в том, что в начале ее стояла Империя. К. Малеттке со своими учениками заметил, что Старая империя не была государством нового времени и в этом смысле ее нельзя сравнивать с тогдашними государствами Западной Европы. Х. Духхардт, хотя и осторожно, но также выразил сомнения в существовании национального момента в имперском патриотизме до XVIII в. Редакция журнала «*Historische Zeitschrift*» дала

Шмидту возможность ответить Шиллингу в следующем же номере журнала. Свои аргументы он повторил и в выступлении на прошедшей 25—27 сентября 2001 г. при поддержке фонда Фрица Тиссена в Институте европейской истории конференции, где выступили также его сторонники (В. Бургдорф), а главным образом его критики во главе с Шиллингом. В следующем году вышел в свет объемистый сборник статей по материалам этой конференции, который мы рассмотрим подробнее. Уже в предисловии к сборнику его научный редактор М. Шнеттгер подчеркнул, что вследствие объединения Германии в 1990 г. наметилась некоторая смена парадигм в изучении Старой империи. Поиски парламентаризма, правого государства и федерализма у ряда историков сменились акцентами на «немецкое» в Империи и рекламированием Старой империи как предшественницы объединенного германского государства, что особенно характерно для книги Г. Шмидта.

К слову сказать, большинство участников конференции не поддержало позицию Шмидта, считая, что Старая империя не была государством в полном смысле этого слова. Мало того, французский историк К. Дюамель, а также немецкие авторы М. Шнеттгер, М. Вреде и Х. Габель подчеркнули соответственно, что в итальянских землях Империи существовало восприятие этих земель как части Империи, а не Германии, что французские и голландские

¹ *Schilling H.* Reichs-Staat und frühneuzeitliche Nation der Deutschen oder toilmmodernisiertes Reichssystem. Überlegungen zu Charakter und Aktualität des Alten Reiches // *Historische Zeitschrift*. Bd. 272 (2001). S. 377—395.

современники Старой империи рассматривали ее как систему, отличную от западноевропейских государств.

Сам Шмидт выступил с докладом под весьма броским названием «Империя раннего нового времени — особый путь и модель для Европы или государство германской нации?». Прежде всего он заявил, что Германия являлась частью государств Европы раннего нового времени. Работу рейхстагов он объявил частью государственности, хотя их решения выполнялись только тогда, когда они соответствовали интересам имперских чинов, т. е. хочет того Шмидт или нет, но обстоятельство скорее указывает на проявление конфедеративное, нежели государственности. Далее Шмидт, ссылаясь на опубликованные и неопубликованные работы Шиллера, Гегеля, Гумбольдта, Новалиса, Фихте и обоих Шлегелей, отметил, что в этих работах делался акцент на единстве Империи, государства и нации. Но одно дело расставлять акценты, другое дело — реальная государственно-политическая практика. Следующий тезис Шмидта заключается в том, что комплементарное имперское государство базировалось на политико-государственных, а не на этнических или языковых посылах. Носителями комплементарной государственности у Шмидта являлись имперские округа (*Reichs-kreisen*) и союзы территорий, что вряд ли может считаться достаточно убедительными доказательствами, учитывая бесчисленные войны между имперскими чинами, в том числе и против императора, и практически отсутствие сколько-нибудь эффективной имперской исполнительной власти, поскольку таковая имела только в территориальных государствах Германии. Противопоставляя идею имперского комплементарного государства концепции империи как ленного наднационального и надгосударственного союза, Шмидт выдвигает следующие тезисы: 1) государственно-скрепленная Империя раннего нового времени существует в рамках политико-государственной германской нации и выдерживает сравнение с другими странами; 2) особенности германского государственного развития раннего нового

времени терминологически объясняются через приставку «Империя» и понятие «комплементарное»; 3) этнонациональные представления остаются за рамками концепции комплементарного имперского государства; 4) комплементарное имперское государство было историческим образованием, которое удивительно долго существовало и которое осталось в европейской истории.

С прямой критикой концепции Шмидта выступили несколько крупных историков и прежде всего Шиллинг, акцентировавший внимание в первую очередь на принципиальную разницу между Старой империей и западноевропейскими государствами раннего

нового времени, в том числе и германскими территориальными государствами. Назвав концепцию Шмидта «искусственным определением», Шиллинг отметил также два важных момента в истории Старой империи, которые кратко можно охарактеризовать как «немодернизированные» или «частично модернизированные» элементы по отношению к государственности раннего нового времени территориальных княжеств и королевств. Шиллинг предложил назвать Старую империю негосударственной политической организацией или частично модернизированной имперской системой. Империя не принадлежала также к государственным формам еще и потому, заметил он, что монополия на внешнюю политику не находилась ни в руках императора, ни в руках рейхстага. Старая империя не могла также проводить самостоятельную экономическую политику, тогда как центральной заботой государств раннего нового времени была концентрация экономических ресурсов в его руках, т. е. у нее не было национально-государственной экономической политики. Кроме того, границы Империи не были государственными границами. Государство раннего нового времени расширяло свои границы с помощью завоеваний или инкорпорации других государств: в Империю же можно было войти с помощью договора как в нынешний Европейский Союз. В Империи также отсутствовала единая государственная церковь, что было типично для государства раннего нового времени. Наконец, Старая империя имела сакральный предгосударственный универсалистский характер. Религия и нация не означали определенное государство. Поэтому Шиллинг и предложил назвать Старую империю «частично модернизированной имперской системой, как результат приспособления к государственному строительству в территориях и европейских соседних землях».

Еще один участник дискуссии Р. Аш задал Шмидту вполне правомерный вопрос: если ядром Империи по меньшей мере с середины XVI в. были наследственные земли Габсбургов (Чехия и Нидерланды находились на особом положении), которые со времен императора Карла VII имели тенденцию выделиться из имперского союза, как это может согласоваться с теорией Шмидта об имперском государстве с австрийской точки зрения и точки зрения притязаний императоров на универсальную или по крайней мере транснациональную власть. Изучая церемонии на имперских рейхстагах, и в имперских органах власти, Б. Штолльберг-Рилингер отметила недостаток и расчлененность независимой исполнительной власти, поскольку если не достигалось согласия по каким-либо вопросам между имперскими чинами, конфликты затягивались на десятилетия.

Эту мысль поддержал Й. Буркхардт, напомнивший также о рецензии известного немецкого историка К. О. фон Аретина на книгу Шмидта в крупнейшей газете

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» за 12 октября 1999 г., в которой Аретин иронизировал по поводу изобретения автором «Вормсской республики» (намек на Вормсский рейхстаг 1495 г., на котором была сделана попытка имперской реформы) или империи без императора. Буркхардт также в изящных формулировках написал о «сердечных пожеланиях счастья страшному определению комплементарного имперского государства». Кроме этого, он отметил двойственность развития германской государственности, т. е. универсализм Габсбургов и территориализм отдельных земель, подчеркнув, что император и чины не были полностью антагонистическими друг другу, однако триконфессионализм (т. е. католицизм, лютеранство и кальвинизм) и сословно-представительные собрания, т. е. ландтаги, крейстаги и рейхстаги отражали корпоративный характер германской государственности при отсутствии исполнительной власти и общегосударственной администрации, едиными законами (описание законов германских территорий великий юрист XVIII в. И. Я. Мозер составил в 50 томах), что ставит под сомнение концепцию комплементарного государства. И здесь же Буркхардт с известной долей пафоса завершил свой доклад фразой о том, что в сегодняшнем мире государственный опыт надо черпать не в монархических централизованных государственных моделях, а в союзно-государственных организационных формах Империи раннего нового времени.

Критика концепции Шмидта не только справедлива, но и симптоматична. И, конечно, очень жаль, что в появившейся в 2002 г. книге А. Ю. Прокопьева опасные тенденции в работе Г. Шмидта не замечены. Прокопьев вполне положительно отнесся не только к идее комплементарного имперского государства, но и к идее формирования в раннее новое время «немецкой культурной нации», а также к объяснению происхождения Тридцатилетней войны как результата стечения обстоятельств, которые могли бы быть сдержаны силой национального самосознания, как будто не бывает гражданских войн в национальных государствах и как будто Тридцатилетняя война не произошла в первую очередь как первая общеевропейская война¹.

Дискуссия по поводу концепции Шмидта еще не закончена. Но отечественный читатель может уже сделать выводы.

¹ Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555—1648. СПб., 2002. С. 276, 328, 358, 360.